

Сюэ Фэйфэн замер и не шевелился. Шэнь Цинжань осторожно наблюдал за выражением его лица, не уверенный, не выглядит ли эта отговорка чересчур наивной.

Если бы не страх, что Сюэ Фэйфэн вызовет лекаря, он бы просто улегся в постель и притворился больным. В прошлый раз, когда он заболел после дождя, ему приходилось быть настороже день и ночь: стоит Сюэ Фэйфэну собраться за порог, как Шэнь Цинжань готовился к худшему, притворяясь, будто до смерти боится оставаться дома один, и клялся, что выздоровеет ровно за три дня — лишь бы не упускать Сюэ Фэйфэна из виду. Болеть — это до ужаса утомительно!

Сюэ Фэйфэну хватило одного взгляда, чтобы понять: Шэнь Цинжань не съел ни кусочка. На сочной мякоти виднелись крошечные дырочки, сок не размазался неопрятной лужицей, а каждый ломтик арбуза выглядел таким же свежим, налитым и хрустящим, словно его только что нарезали. Он наяву мог представить, как Шэнь Цинжань, затаив дыхание, аккуратно и бережно, подобно величайшему мастеру перед драгоценным красным нефритом, вкладывал душу в каждый взмах ножа.

Выбирать косточки целое утро, да так, чтобы арбуз остался столь сочным, — Сюэ Фэйфэн понимал, что Шэнь Цинжань приложил к этому всю душу.

Еще бы ему не выглядеть только что нарезанным — Шэнь Цинжань достал его не прошло и десяти минут назад!

Сюэ Фэйфэн медленно моргнул, а затем неожиданно подхватил Шэнь Цинжаня за талию и быстрой, словно порыв ветра, хваткой прижал к себе. Куда больше, чем до капли алой, налитой мякоти, ему хотелось прикоснуться к алым губам Шэнь Цинжаня, чьи поцелуи были куда слаще — попробовав лишь раз, забыть их он уже не мог.

Шэнь Цинжань непрестанно следил за Сюэ Фэйфэном, и, заприметив перемену в его взгляде, тут же с тревогой вспомнил, как тот «утолял жажду» тогда на горной тропе.

Он уперся обеими руками между ними, не давая груди прижаться к груди, а затем со всей силы присел, выскользнув из объятий Сюэ Фэйфэна. С угодливой ужимкой он подхватил белоснежное фарфоровое блюдо с арбузом и подал его Сюэ Фэйфэну прямо в руки.

Этот Сюэ Фэйфэн до того тороплив! Хочешь есть арбуз — бери и ешь, зачем непременно пытаться отведать из его рта? Шэнь Цинжань клялся, что сам не съел ни кусочка!

Опасаясь, что его реакция выглядит неестественной, Шэнь Цинжань слегка сморщил изящный белоснежный носик, пренебрежительно скривившись от витавшего от Сюэ Фэйфэна рыбьего запаха. Шэнь Цинжань начисто забыл, как сам свалил на Сюэ Фэйфэна всю грязную работу по разделочной части. Как бы то ни было, обниматься нельзя — не то обман раскроется!

— Прости, — произнес Сюэ Фэйфэн. — Я и забыл, что ты не переносишь этот запах.

В прошлый раз, нарезая свиную шкуру, тот расстроился чуть не до слез. Сюэ Фэйфэну жаль было, чтобы к такому утонченному и изысканному созданию, как Шэнь Цинжань, приставал речной дух и рыбий чад.

Он отступил на шаг и, заложив руки за спину, попросил:

— Скорми мне кусочек.

«Вот видишь! Сложил руки, даже помыть не успел — так невтерпеж стало поесть! Никто не в силах устоять перед искушением бессемянного арбуза!»

Шэнь Цинжань с довольным видом зацепил кусочек бамбуковой шпажкой и поднес к губам Сюэ Фэйфэна. Сюэ Фэйфэн за всю свою жизнь, чай, отродясь не пробовал ничего деликатесного. В будущем надо обязательно высаживать побольше всяких вкусоностей, чтобы Сюэ Фэйфэн наедался досыта и жил в удовольствие!

Шэнь Цинжань с глубоким удовлетворением наблюдал, как Сюэ Фэйфэн в два укуса уплел ломтик, и внезапно подумал, что пять тысяч баллов — не такая уж и великая плата. Главное — чтобы Сюэ Фэйфэну было вкусно!

— Ты тоже поешь, — Сюэ Фэйфэн указал на самый большой кусок.

Шэнь Цинжань немного поколебался, рассудив, что Сюэ Фэйфэн один всё равно целый арбуз не одолеет — прокиснет со временем, — и с радостью отправил кусочек и себе в рот.

Стоило ему откусить первый раз, как Сюэ Фэйфэн неожиданно подался вперед и слизал капельку у него с уголка губ — да так быстро, что Шэнь Цинжань даже ойкнуть не успел.

— Сок потек.

Уголок рта у Шэнь Цинжаня точно обожгло, он замер и не смел шелохнуться. Ну подумаешь — пять тысяч баллов за арбуз! Если понравится, он еще в долг возьмет! Зачем беспокоиться из-за капли арбузного сока на губах?!

Он что, не знает, что у него аллергия на чужие слюни?!

Пропал он... лицо горит всё сильнее и сильнее.

Сгорая от досады и жалея арбуз, Шэнь Цинжань вспыхнул и сунул все остатки «невидавшему жизни» Сюэ Фэйфэну, а сам с пылающими щеками метнулся мимо него. От чересчур резкого движения он зацепил и повалил его бамбуковую палку.

Подумав, что Шэнь Цинжань разозлился, Сюэ Фэйфэн обеспокоенно схватил его за руку:

— Ты куда?

Шэнь Цинжань вырвался.

Под громкий треск упавшей на землю бамбуковой палки Сюэ Фэйфэн продолжал как ни в чем не бывало ровно стоять на обеих ногах. Оба вмиг протрезвели, переключив внимание на «хромоту» Сюэ Фэйфэна.

Шэнь Цинжань незаметно изогнул уголки губ, со злорадством поджидая, какую же корявую отговорку придумает Сюэ Фэйфэн для объяснений. На лице же он нарисовал бурную радость, смешанную с ошеломлением и едва заметной тенью разочарования.

— Точно... только что, когда ходил в горы за дровами, переходил лощину и невнимательно уронил костыли, — выдавил Сюэ Фэйфэн.

Он с изображением непередаваемого изумления продолжил:

— Я уж думал, придется сидеть там и ждать, пока ты найдешь меня. Но, боясь, что ты станешь

волноваться, я срубил бамбуковый шест, чтобы кое-как опираться... И кто бы мог подумать, что я шаг за шагом смогу встать на ноги!

Сюэ Фэйфэн подвел итог:

— Я хромал так долго, что думал, будто останусь калекой до конца дней своих. И представить не мог...

«...и представить не мог, что стоило потерять костыли и сломать психологический барьер, как в безнадежном положении откроется путь к спасению!» — Шэнь Цинжань про себя заботливо дополнил мысль Сюэ Фэйфэна.

Не столкнусь он сегодня с Сюэ Фэйфэном нос к носу в доме повара Чжана, точно поверил бы в эту ахирию!

Сюэ Фэйфэн развернул Шэнь Цинжаня к себе за плечи и серьезно посмотрел ему прямо в глаза:

— Это все благодаря тому, что ты выходила саженец цинду.

Ну, в это я охотно верю, — подумал Шэнь Цинжань.

Все-таки есть от меня хоть какая-то польза.

Принимая во внимание, что ложь Сюэ Фэйфэна диктовалась благими побуждениями, Шэнь Цинжань не стал донимать его расспросами и устраивать сцен.

Сюэ Фэйфэн закинул удочку:

— Как бы то ни было, ты мне очень нужна.

Шэнь Цинжань, понятное дело, сбегать из дома больше не собирался: у него теперь дела появились — за ним висел долг перед системой в пятьдесят му засаженной земли. Он одарил Сюэ Фэйфэна взглядом, полным непреклонного доверия, после чего взвалил на плечо мотыгу и отправился в поле.

Отрабатывать долги.

Горькая долюшка.

На дворе стоял самый разгар дня. Если следовать расписанию Шэнь Цинжаня с его трехразовым питанием, сейчас полагалось бы обедать, а за обедом укладываться на дневной сон.

Глядя на Шэнь Цинжаня, который забил на время и вдруг воспылил небывалой страстью к земледелию, Сюэ Фэйфэн ощутил глубокую тревогу. Похоже, Шэнь Цинжань во что бы то ни стало хотела доказать свою полезность через труд на полях, но разве Сюэ Фэйфэну поднималась рука заставлять ее терпеть лишения?

К тому же Сюэ Фэйфэн вспомнил те два му с бататом, на которых Шэнь Цинжань на полном серьезе божилась «вырастить рыбу на следующий год», и забеспокоился: не пала ли она жертвой обмана своего двоюродного брата? А ну как никакого батата в природе не существует, а в землю зарыта обычная сорная трава?

Если на грядках ничего не вырастет, Шэнь Цинжань разобьется в пух и прах от такого удара.

Сюэ Фэйфэн принял решение: велеть Чан Мину на всякий случай развести целый пруд рыбы, чтобы было чем спасти положение.

Станция селекции сегодня представляет главный хит — картофель.

Картофель — одна из пяти главных продовольственных культур в мире, завозной сорт. При низкой температуре может храниться более полугода. Поставляемый системой раннеспелый сорт созревает за три месяца, а текущая урожайность составляет восемь тысяч цзиней с одного му.

Целевая урожайность: одиннадцать тысяч цзиней с одного му.

Награда: десять тысяч баллов.

— Опять ограниченный по времени сорт? — удивился Шэнь Цинжань.

Сегодня уже день перевалил за середину, это же просто сущий измор!

Он даже заподозрил, что система намеренно ему мстит.

Система: «Все ключевые сельхозкультуры, чье историческое происхождение находится за пределами Китая, в силу временных и пространственных противоречий являются ограниченными по времени товарами.»

— Так вы не могли открыть доступ в другое время? — сказал Шэнь Цинжань. В самом начале, когда Сюэ Фэйфэн купил пять му сахарного тростника, он чуть не лопнул от злости. А теперь поди ж ты: сам дожился до того, что земли под посадки категорически не хватает!

Система: «Выпадение случайное, процессу не подвластно.»

Из пяти му тростника остался еще один несрубленный му, из четырех высвободившихся му два ушло под батат, и оставалось всего два му. Пределом дневной нормы Шэнь Цинжаня как раз и были эти два му. Если засадит их сейчас, в следующий раз сажать будет просто некуда!

Неужто придется пускаться во все тяжкие и закладывать имущество, лишь бы разжиться землей под посадки?

Шэнь Цинжань сидел на корточках посреди поля. Из его ладоней нескончаемым потоком появлялись пророщенные клубни картофеля. Земля была рыхлой и влажной: орудуя обеими руками, он рыл ямку, опускал туда картофелину, вытаскивал руки и небрежно пригребал землю сверху — вот и вся посадка.

Спустя короткое время под его короткими ногтями забилась черная грязь, набившись так глубоко, что впилась в живое мясо, отчего даже выступили капельки крови.

Шэнь Цинжань с болью дул на пальцы — боль стояла адская!

Устав сидеть на корточках, он сменил тактику: сначала мотыгой прорывал борозду, а затем, словно колдуя, заносил над ней руки — и картофелины с тихим стуком шмякались прямо в борозду. Оставалось лишь присыпать землю.

Шэнь Цинжань был непривычен к мотыге: прорыв какие-то несчастные пятьдесят метров, он

натер на ладонях кучу мозолей и водянистых пузырей, которые при нажатии смешно проминались.

Усевшись на межу, он вздохнул. Картошка хороша всем, вот только один изъян: он понятия не имел, как объяснить ее появление!

Про рассаду батата еще можно было сказать, мол, дикая, с гор. А картошка — это же клубни! Не скажет же он, что выкопал ее из земли?

Вот бы привлечь на помощь Сюэ Фэйфэна! Если кто-то станет копать борозды и засыпать их землей, ему останется лишь сбрасывать клубни — куда проще, чем возиться с ростками батата! Шэнь Цинжань без сил валился на меже, прислонившись головой к охапке сухой травы; он не мог шевельнуть и пальцем, мечтательно желая лишь перевести дух.

И с этими мыслями прямо посреди поля и заснул.

Пришедший на поиски Сюэ Фэйфэн: «...»

Как можно умудриться засыпать абсолютно везде?!

Сюэ Фэйфэн смотрел на крепко спящего Шэнь Цинжаня.

Это был первый раз, когда он видел ее спящую при дневном солнечном свете: длинные ресницы отбрасывали легкие тени, бровки слегка хмурились, а сама она выглядела до того тихой и послушной.

Сюэ Фэйфэна пробрал легкий смех, но стоило его взгляду переместиться на вымазанные в грязи руки Шэнь Цинжаня, как улыбка на его губах мгновенно застыла.

Он перехватил Шэнь Цинжаня за запястье, чтобы осмотреть: под всеми десятью ногтями глубоко забились грубая черная земля. Развернув ладонь, он увидел у основания пальцев водянистые мозоли размером с горошину, а парочка и вовсе содралась до крови.

Неужели это те самые нежные нефритовые ручки, отродясь не знавшие никакого тяжелого труда?!

У Сюэ Фэйфэна застучало в висках. Он глубоко вздохнул: какая такая причина заставляет Шэнь Цинжаня из кожи вон лезть на этих грядках?! В эту секунду Сюэ Фэйфэну хотелось лишь одного — запереть Шэнь Цинжаня, а лучше приковать к кровати, чтобы выходить его до полной гладкости кожи, не оставив ни единой ранки, окружить нежностью и холить.

Шэнь Цинжань, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, резко распахнул глаза и увидел Сюэ Фэйфэна. Тот стоял с перекошенным от злости лицом и смотрел на него с такой свирепостью, будто Шэнь Цинжань совершил нечто абсолютно непростительное.

«Неужели Сюэ Фэйфэн собрался нести меня домой и случайно задел то, чего касаться не следовало?!» Краем глаза он судорожно оглядел свою одежду с ног до головы — все было в полном порядке. Шэнь Цинжань перевел дух.

Сюэ Фэйфэн рывком поднял его на ноги:

— Хватит копать. Идем домой.

Хотя он так и не понял, какую такую невиданную драгоценность Шэнь Цинжань зарывал в

землю, доведя себя до столь жалкого состояния.

Он мог терпеть любые забавы Шэнь Цинжана с какими угодно полезными или бесполезными культурами, мог вместе с ним под насмешки сельчан кропотливо и безропотно обрабатывать землю. Единственное, чего он не мог перенести, — это видеть, как Шэнь Цинжань истязает самого себя.

«Нельзя!» Шэнь Цинжань отдернул руку. Если не засадить картошку прямо сейчас, семена потеряют силу!

В одиночку он и к полуночи не одолеет один му. Он снизу вверх окинул Сюэ Фэйфэна оценивающим взглядом. Этот парень сегодня у повара Чжана ловил рыбу... ногами и руками шевелил преловко, загляденье!

Шэнь Цинжань вывел пальцем на земле: «Помоги мне прорыть борозды. С кулак величиной — и хватит».

Сюэ Фэйфэн стоял на своем:

— Домой.

Шэнь Цинжань тысячу, десять тысяч раз мечтал уйти с Сюэ Фэйфэном домой! И хотя Сюэ Фэйфэн сейчас с ледяной миной велел возвращаться, всем видом показывая, что применит силу, если тот раскапризничается, Шэнь Цинжань прекрасно понимал: чем лучше Сюэ Фэйфэн к нему относится, тем пуще нужно трудиться на грядках!

Однако страх перед подобным тоном Сюэ Фэйфэна был у него в крови, поэтому он зажал уши руками и заколотил головой.

Не слушаю, не слушаю!

Точь-в-точь капризное дитя, застрявшее в поле и отказывающееся идти домой.

Разве мог Сюэ Фэйфэн поднять руку на ребенка? Они постояли друг против друга некоторое время, пока Сюэ Фэйфэн наконец со вздохом смирения не принялся копать борозды для Шэнь Цинжана.

Он не стал брать мотыгу, а вместо этого обнажил меч и, направляя его к земле с махом, способным вести за собой тысячи конников и воинов, молниеносно провел идеальную прямую линию от восточного края поля до западного. Острие меча рассекало грязь, будто разрезая волны, оставляя за собой ровную траншею глубиной в двадцать сантиметров.

Дохляк Шэнь Цинжань, сидя на земле, просто опешил от изумления.

И откуда Сюэ Фэйфэн так знатно умеет пахать?!

Он мысленно вскричал к системе: «Видала?! Вот кого надо было брать в носители! Какой же он крутой, даже сельхозтехника с такой скоростью не работает...»

Система: [...] Ей почему-то казалось, что носитель откровенно хвастается.

Пока Шэнь Цинжань сидел и отдыхал добрых полчаса, Сюэ Фэйфэн успел нарыть для него борозды по всему полю.

Сюэ Фэйфэн в недоумении опустил перед Шэнь Цинжанем на корточки:

— Да что ты вообще собралась сажать?

Шэнь Цинжань потерял дар речи.

Он наугад достал картофелину и показал жестами: «Мне показалось, эта штука ужасно хороша. Если посадить побольше, обязательно вырастет целая куча!»

Сюэ Фэйфэн бросил взгляд на проросшую картошку, а затем вспомнил ту ужасно несъедобную стряпню из листьев батата, которую состряпал Шэнь Цинжань, и на этот раз не стал ему поддакивать.

— Ради одного вот этого кусочка ты вспахала целых два му? — Сюэ Фэйфэн ушел от темы съедобности, сразу перейдя к сути. — И как это сажать?

Шэнь Цинжань зашел в тупик — на пустом месте достать кучу картофеля он не мог, а потому свалил всю вину на двоюродного брата: «Мой кузен говорил, что из одного такого кусочка можно засадить целый му — достаточно лишь малюсенькой почки, чтобы прорасти!»

Шэнь Цинжань достал еще одну здоровенную картофелину, свел большой и указательный пальцы, показовый сантиметровый зазор, а затем подумал и убавил его до миллиметра.

А этот кузен — уж не мошенник ли какой и шарлатан?! — подумал Сюэ Фэйфэн.

Сдерживая эмоции, Сюэ Фэйфэн спросил:

— А твой кузен случайно не умеет еще и разбрасывать бобы, превращая их в воинов?

Шэнь Цинжань: «...»

Нет, он вполне нормальный человек!

Сюэ Фэйфэн не возражал против того, чтобы Шэнь Цинжань баловалась земледелием, но вот к кузену у него вырос огромный зуб. Свою жену глупой назвал бы разве что идиот, так что всю вину Сюэ Фэйфэн свалил на того самого родственничка.

Переломать ему ноги — и то будет мягко наказано!

Сюэ Фэйфэн свирепо стиснул зубы.

На лице Шэнь Цинжана сияла святая наивность и полное доверие к брату, так что любые слова Сюэ Фэйфэна были бесполезны. Втайне закипая от досады, Сюэ Фэйфэн от злости усмехнулся:

— Ладно, сажай.

Когда у других созреет урожай, а на его собственном поле ничего не вырастет, Шэнь Цинжань сам поймет, кто был прав.

С этим кузеном ему теперь просто жизненно необходимо встретиться!

Сюэ Фэйфэн снова напомнил:

— Пятнадцатое число первого месяца.

То есть в следующем месяце. В тот день в городе как раз будет Праздник фонарей: днем можно повидаться с кузеном, а вечером прогуляться с Шэнь Цинжань и посмотреть на фонари.

Шэнь Цинжань затрепетал, волнуясь за будущее: «Ты ведь не собираешься его бить?»

— Ну что ты, с чего бы? — ласково ответил Сюэ Фэйфэн. — Просто хочу поблагодарить его за то, что он так многому тебя научил.

Шэнь Цинжань испугался еще сильнее: «Не смей его бить, а не то я...»

...разведусь с тобой!

Сюэ Фэйфэн резким движением сжал пальцы, подмяв под свою ладонь руку Шэнь Цинжаня, корябавшую иероглифы на земле, и не дал тому закончить фразу.

Каюк мне, — с душевным спокойствием обреченного подумал Шэнь Цинжань.

Пока Сюэ Фэйфэн стоял под боком, Шэнь Цинжань никак не мог материализовать картофель, а потому принялся изыскивать пути отослать его с поля.

«Тетушка Чжан говорила, что завтра пойдет дождь. Сходи домой и почини крышу».

В последнее время Шэнь Цинжань спал в одной комнате с Сюэ Фэйфэном. Раньше, когда Сюэ Фэйфэн был хромым, он мог ухищрениями уступить ему кровать, но теперь, когда тот вылез, он наверняка усядется на подстилку на полу. Шэнь Цинжань ведь не женщина, чтобы вечно пользоваться чужим уступчивым великодушием! Куда лучше подправить крышу в той комнате Сюэ Фэйфэна, чтобы у каждого имелась своя постель.

Едва нашёлся удобный предлог спать в одной комнате, как стоит ноге зажить — и его тут же отправляют латать крышу!

Сюэ Фэйфэн с мрачным лицом поплелся домой, а его неприязнь к кузену выросла еще на один уровень.

Шэнь Цинжань, точно горох, сыпал картофель в траншеи — скорость возросла раз в сто! Засыпать борозды было еще проще: Сюэ Фэйфэн, должно быть, применил какой-то особый прием, потому что стоило картофелине упасть на дно, как рыхлая земля по бокам сама осыпалась и укрывала ее.

Шэнь Цинжань мысленно еще десять тысяч раз вспомнил Сюэ Фэйфэна хвалой.

И заставил систему слушать свои дифирамбы.

Каждому переутомлению неизменно сопутствовали три дня полного паралича от усталости.

Сюэ Фэйфэн в гиперболизированной форме запрещал Шэнь Цинжаню брать в руки хоть что-либо — даже отжать полотенце не давал, во что бы то ни стало вознамерившись вернуть его ногтям и ладоням первозданный вид.

Шэнь Цинжань совсем заплесневел от безделья:

— Система, что бы такое посадить под окнами или за домом, чтобы и неприхотливое было, и результат сразу видно?

«Шелковица.»

Шелковица легко приживается: вткни веточку с листьями — и весной она дарует побеги, а в начале лета ветви между листьями сплошь покроются гроздьями темно-фиолетовых, почти черных плодов.

Летом сок шелковицы прекрасно освежает и спасает от жары, делает волосы темными, зрение зорким, а еще исцеляет от азооспермии.

Система изо всех сил агитировала Шэнь Цинжана к посадке:

«Полезных свойств уйма.»

Шэнь Цинжань изогнул бровь: «На что это ты намекаешь?»

Система: [...] Я вообще-то вполне приличная система! Кабинет Национального комитета по борьбе с порнографией находится аккурат по соседству со Станцией селекции!

Система промолчала, но мысли Шэнь Цинжана понеслись вскачь: неужто Сюэ Фэйфэн...

Э-э... Жёнушку-то взял, а сам сидит и смотрит?

Нет-нет-нет! Сюэ Фэйфэн просто недоволен новоиспеченной супругой!

Шэнь Цинжань погладил себя по щеке: ладно, сначала посадим, а там видно будет.

Уж да простит система свое узкое мышление — такого рьяного и активного Шэнь Цинжана она отродясь не видывала!

<http://bllate.org/book/17933/1987812>